
СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД (к 65-летию Победы)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО НА ВОЙНЕ*

«Время войны» как пограничное состояние и расколотое «пространство войны» с присущими им специфическими особенностями показаны через субъективное восприятие и экзистенциальный опыт участников Великой Отечественной, отраженные в их письмах, дневниках, воспоминаниях, фронтовой поэзии и песнях военных лет.

Ключевые слова: *время, пространство, переживание, война, жизнь, смерть, смысл жизни, поэзия, проза, мемуары.*

Любая война разворачивается во времени и пространстве, которые имеют свои природные и социальные характеристики.

Пространство характеризуется протяженностью, физико-географическими средами (земной, водной, воздушной), природно-климатическими зонами (от тропиков до полярного круга), ландшафтом (равнины, горы, леса, пустыни, степи, моря и реки и т. д.). Каждая среда также имеет свои характеристики. Для воздушной – это высота, для водной – глубина и т. д. Известны также социальные характеристики пространства. Например, у политического пространства – государственные границы, у геополитического – сферы интересов и влияния, у экистического – размещение населенных пунктов.

Природные характеристики времени – длительность, годовая и суточная цикличность. Накладываясь на природно-географические зоны, время приобретает дополнительные характеристики (смена

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 08-01-00496а.

времен года, местных климатических параметров: температура, влажность, продолжительность светового дня, осадки и т. д.).

Структурирование пространства и времени, система их измерений – социальные характеристики, например измерение в километрах или милях, христианское, мусульманское или буддистское летоисчисление, солнечные, лунные и прочие календари.

Абсолютное большинство природных и социальных характеристик времени и пространства так или иначе, но, как правило, весьма существенно, влияют на ведение войн.

Война – это явление социальное, разворачивающееся в природной среде. В определенном смысле ее можно рассматривать как противостояние социальной энергии политических субъектов: в пространстве и времени перемещаются войска, техника, сокрушаются линии обороны, разрушаются военные объекты и населенные пункты воюющих сторон, отдаются и занимаются территории. Однако нас интересуют иные – психологические – характеристики времени и пространства.

Различают время объективное и время субъективное. Субъективное время измеряется не часами, минутами и секундами, а количеством событий, заполнивших его. *Время на войне* течет по особым законам. Это экстремальное время, на грани жизни и смерти. А любое пограничное состояние вызывает обостренное субъективное восприятие окружающего мира. Вместе с тем нет непроходимой грани между социальным и личностно-психологическим временем: социальное складывается из индивидуального. Например, социальная оценка, особенность, ценность военного времени фиксируются и сознанием конкретных людей, и обществом. Неслучайно «спрессованность» времени в Великой Отечественной войне как особо значимого, социально ценного в биографиях ее участников позднее нашла отражение в государственных нормативных актах, включая исчисление стажа военной службы (на переднем крае – «год за три»).

Еще один аспект: Великая Отечественная война оказывалась новой точкой отсчета, иной системой координат, фиксирующей «раскол времени», особый отрезок жизни и страны в целом, и отдельных людей. При этом в качестве «разделительной черты» выступала конкретная дата – 22 июня 1941 года. Вот как написал об этом Константин Симонов (1990а: 287):

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой

Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И стольких наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы...

Значимость военного времени отражалась не только в его субъективном восприятии каждым человеком, но и в реальной биографии человека – как время ускоренного взросления (для молодежи), приобретения важного, хотя и специфического опыта, радикального изменения судьбы. «Война быстро сделала нас взрослыми. Многие из нас и юности не узнали: сразу взрослость», – писал в 1944 году с фронта старший лейтенант Борис Кровицкий (цит. по: Вольф 1987: 60). Такое же наблюдение мы находим в военных записках Симонова (1975: 365–366): «Жизненный опыт, добытый годами войны, чем-то очень существенно отличается от всякого другого жизненного опыта. Понятие “повзрослеть” мы обращаем обычно к детству и юности; предполагается, что именно там человек может за год, за два настолько перемениться, что о нем говорят “повзрослел”, имея в виду духовную сторону этого понятия. На войне, однако, с ее бесчеловечно, жестоко спрессованным временем вполне уже зрелые по возрасту люди взрослеют не только за год, но и за месяц, и даже за один бой». «Время на войне течет по особым законам. У меня ощущение, что оно было как-то чудовищно спрессовано... За две недели войны я почувствовал, что повзрослел, постарел сразу на несколько лет. По моим наблюдениям, так было со всеми...», – рассказывал Симонов в интервью с журналистом Василием Песковым (Песков 1979: 147). Молодые люди, которым пришлось пройти через войну, всегда чувствовали себя старше и взрослее своих невоевавших ровесников. Вспомним в этой связи название известного фильма – «В бой идут один “старики”».

Психологическое время по определению субъективно. Восприятие времени зависит от личностных характеристик: возраста (юные и зрелые), пола, семейного положения (холостяки, женатые люди, отцы семейств), образования и культуры, биографии (личностной истории), жизненного опыта (вступающие в жизнь и уже пожившие). Экстремальная ситуация войны резко усиливает субъективность восприятия времени, ставит человека на «экзистенциальный рубеж» между жизнью и смертью. Проблема личностного бытия, существования человека, над которой в обычных условиях

редко задумываются, на войне встает во всей практической значимости, поскольку возможность насильственной смерти, вероятность «исчезнуть без следа» оказывается чрезвычайно высокой. Поэтому восприятие личностного времени как «вместилища жизни» становится обостренным, о времени задумываются («Сколько еще осталось?», «Как его использовать?») при крайне ограниченных возможностях распоряжаться собой. Возникает потребность успеть что-то сделать, прочувствовать, сказать, написать письмо и т. д. Время на войне приобретает принципиально иную ценность.

«Мне уже двадцать. Вспоминаю школьные годы. Университет. Почему-то утверждается чувство, что не смог я взять всего, что следовало, от этих быстро, очень быстро промчавшихся двадцати лет. Уже два года воюем. Втянулись. Никто не жалуется... Твердо убежден, что после войны мы снова заживем кипучей, счастливой жизнью. Хорошо бы и мне до этой жизни дожить. Встретиться с матерью, отцом, братом...», – записал 14 апреля 1943 года во фронтовом дневнике сержант Адольф Павленко (цит. по: Песков 1979: 79). Он погиб через полгода, 14 октября, на Калининском фронте.

В ходе самой войны «личностное время» сильно зависит от ситуации, места и условий, в которых оказывается человек, прежде всего от степени близости к самой войне (на фронте и в тылу; на передовой и во втором эшелоне; до боевого крещения и после; перед боем, в бою и после боя; в наступлении, обороне и отступлении; в госпитале, на переформировании и т. д.). Экзистенциальность восприятия времени на порядок усиливается непосредственно на передовой. Здесь большое значение имеет наличие или отсутствие боевого опыта. Во-первых, «обстрелянные» фронтовики имеют больше шансов выжить (самый высокий процент гибели, как правило, в первом бою); во-вторых, у них вырабатывается особое отношение к действительности, продиктованное спецификой существования в боевой обстановке. Вместе с тем привычка к боевой стрессовой ситуации со временем снижает остроту переживаний экзистенциальных проблем, включая такой защитный механизм психики, как «притупление чувств», иногда ослабляя при этом даже чувство самосохранения.

Разумеется, существуют и общие характеристики восприятия времени фронтовиками и отношения к нему. Так, в период Великой Отечественной войны обычное структурирование времени на прошлое, настоящее и будущее принципиально делилось на «до», «во время» и «после войны». При этом большинству были присущи

определенная романтизация довоенного прошлого и необоснованно оптимистичные надежды на послевоенное будущее, до которого еще нужно было дожить. «...Мне тогда казалось, что после войны многое будет совсем, совсем по-другому – лучше, добрее, чем было до войны», – вспоминал, например, Симонов (1990б: 450). Однако понимание того, что до окончания войны «доживут не все», диктовало особое отношение ко времени: мечты о светлом послевоенном будущем сочетались с прагматическим принципом «спешить жить», «не строить планов», «жить сегодняшним днем», так как в любую минуту могут убить или искалечить, – и тогда образ индивидуального будущего кардинально меняет содержание.

Военная обстановка сказывалась и на субъективном восприятии протяженности времени: в определенных ситуациях оно характеризовалось сжатостью и растянутостью, одни и те же отрезки объективного времени могли восприниматься как вечность и как мгновение (томительные минуты перед боем, бесконечные мгновения под огнем, напряженное ожидание снайпера в засаде, «летающие дни» перед выпиской из госпиталя и т. д. – т. е. разное эмоционально-событийное время).

«Я не могу сказать точно, сколько времени мы так провели. Секунды казались часами», – часто звучит в рассказах фронтовиков об очень напряженном боевом эпизоде (Бессонов 1988: 118). Но особенно тягостным было время накануне сражения, когда человек психологически готовился к возможной скорой гибели. Вот, например, как описывает движение полка на позиции участник Первой мировой войны полковник Г. Н. Чемоданов: «В туманной лунной мути он казался какой-то общей массой, каким-то одним диковинным чудовищем, лениво ползущим в неведомую и невидимую даль... Ни привычного смеха, ни даже одиночных возгласов не было слышно... Все больше и больше охватывало чувство одиночества, несмотря на тысячи людей, среди которых я шел. Да и все они были одиноки в эти минуты. Их не было в том месте, по которому стучали их ноги. Для них не было настоящего, а только милое прошлое и неизбежное роковое смертельное близкое будущее... Я хорошо знал эти минуты, самые жуткие, нудные и тяжелые минуты перед боем, когда при автоматической ходьбе у тебя нет возможности отвлечься, обмануть себя какой-нибудь, хотя бы ненужной работой, когда нервы еще не перегорели от ужасов непосредственно в лицо смотрящей смерти. Быстро циркулирующая кровь еще не затуманила мозги. А кажущаяся неизбежной смерть стоит

все так же близко. Кто знал и видел бои, когда потери доходят до восьмидесяти процентов, у того не может быть даже искры надежды пережить грядущий бой. Все существо, весь здоровый организм протестует против насилия, против своего уничтожения» (Чемоданов 1926: 48–49). Еще более образно и точно это состояние отражено в стихотворении Семена Гудзенко «Перед атакой» (Лирика... 1985: 75):

Когда на смерть идут – поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою –
час ожидания атаки...

Война вообще характеризуется особым «состоянием ожидания» (известий о судьбе близких, сообщений о положении на фронтах, ходе боев и т. д.). В глубоком тылу «время войны» – это прежде всего тревожное ожидание писем от родных, которые воюют, и постоянный страх получить «похоронку». Эмоциональная связь между теми, кто ждет и кого ждут, в символической форме нашла отражение в знаковом для своего времени стихотворении Симонова «Жди меня» (Там же: 236):

Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой –
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Наконец, практическое отношение ко времени на войне также имело много особенностей в зависимости от обстановки и этносоциокультурных параметров воюющих сторон. Было известно, что немцы «воюют по часам» и «не любят воевать ночью», а мусульмане (например, во время Афганской войны) могли внезапно прервать военные действия для того, чтобы совершить намаз. Эти особенности противника обязательно учитывались и использовались.

Прагматическое отношение ко времени на войне большей частью зависит не от физических параметров, а от обстановки. Например, при боевых действиях спят не тогда, когда «время спать» по биологическим часам, т. е. ночью, а когда для этого есть возможность. «Вообще, время суток на фронте – понятие весьма относительное. Не часовая стрелка определяла время сна и бодрствования. Не существовало и дней недели. Регламент жизни диктовала военная обстановка. Порой сутки казались неделей, а иногда исчезали напрочь в нескончаемом сне после многодневного боя. Пом-

ню лишь, что в период больших наступательных операций мы не раздевались по много дней кряду», – вспоминал офицер разведки И. И. Левин (1990: 260).

Восприятие социального времени во многом зависит от хода войны, положения и перспектив воюющей стороны, от стадии военных действий. Для начального периода нередко характерен избыточный оптимизм, связанный с предвоенным пропагандистским воздействием: «Через пару недель будем уже дома!» Так, в 1940 году, во время финской кампании, Евгений Долматовский писал (Принимай... 2000: 78):

Войну мы не все понимаем вначале.
И перед отъездом, немного грустны,
Друг другу мы встретиться обещали
В шесть часов вечера после войны...

Но если ожидание быстрой победы не оправдывается, появляются другие настроения: «Войне не видно конца!» и «Когда же она, наконец, закончится?!» При этом на восприятие военного времени всегда влияет соотнесение личной перспективы с ходом боевых действий. Если в разгар тяжелой затяжной войны боец на фронте живет сегодняшним днем, то на заключительном ее этапе у него появляется надежда уцелеть, а вместе с ней – нетерпение и острое желание дожить до мирного времени. Поэтому между войной и миром существует психологический рубеж, для преодоления которого требуются особые усилия. Это состояние очень точно передает в своем четверостишии, написанном 22 февраля 1944 года, поэт Дмитрий Кедрин (Кедрин 1978: 107):

Когда сраженье стихнет понемногу,
Сквозь мирное журчанье тишины
Услышим мы, как жалуются богу
Погибшие в последний день войны...

Те же чувства отражены в песне Михаила Ножкина «Последний бой» (Об огнях-пожарищах... 1994: 251):

Еще немного, еще чуть-чуть,
Последний бой, он трудный самый.
А я в Россию, домой хочу,
Я так давно не видел маму!

Наконец, ретроспективное восприятие военного времени в индивидуальной памяти фронтовиков нередко характеризуется яркостью, отчетливостью, подробностью («Кажется, это было вчера...»), а порой – романтизацией и ностальгией. В образно-символической

форме отношение к месту войны в биографии своего поколения выразили поэты-фронтовики Борис Слуцкий («Война – она запомнилась по дням, / А прочее – оно по пятилеткам...») [Слуцкий 2000: 311] и Семен Гудзенко («Мы не от старости умрем – / От старых ран умрем...») [Этот... 1985: 95]). Не менее символичным стал и точный временной подсчет, согласно которому Великая Отечественная шла три года десять месяцев и восемнадцать дней. Но при этом сохраняется цельность образа этой войны как единого отрезка времени, сохранившегося в народной памяти. Давид Самойлов (Высота... 1995: 185–186) писал:

...Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Пространство на войне также имеет объективные и субъективные характеристики. Протяженность, расстояние, рельеф местности – все это функционально используется в отступлении, обороне и наступлении. Социальное структурирование пространства имеет такие характеристики, как «свое» и «чужое» (тыл врага, территория противника), «ничья земля», «нейтральная полоса», соединение и разделение («линия фронта», «передний край», Ладога – «дорога жизни»), как защита в обороне и препятствие в наступлении (водная преграда, которую надо форсировать; открытая местность, которую надо пройти под огнем; неприступная высота, которую надо взять, и др.). Важно и такое социальное измерение, как ценность пространства («Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва», «Ни шагу назад!», «За Волгой для нас земли нет!» и т. п.), восприятие его как рубежа обороны.

Подобно «расколотому времени», пространство войны также представляется разбитым, разделенным, разорванным на части. «Мы идем по изуродованному, взорванному и сожженному миру, по земле, изуродованной взрывами мин, по полям, словно оспой, обезображенным воронками, по дорогам, которые немцы, отступая, разрубили, как человеческое тело, на куски, взорвав все мосты», – писал 17 марта 1943 года в очерке «На старой Смоленской дороге» Симонов (1975: 232).

В личностно-психологическом смысле пространство так же, как и время, воспринималось в зависимости от индивидуальных особенностей и конкретной социальной ситуации, в которой оказывался человек. Однако было и много общих параметров восприятия.

Например, противопоставление фронта и тыла, хлестко выраженное Симоновым (1975: 189):

Хоть шоры на память наденьте!
А все же поделишь порой
Друзей – на залегших в Ташкенте
И в снежных полях под Москвой.

А Гудзенко в 1946 году напишет о вернувшемся с фронта солдате, который «...хочет знать, что было здесь, / когда мы были там...» (Этот... 1985: 95).

Пространство могло восприниматься как друг и враг, как защита и опасность, как символ разлуки с близкими и встречи со смертью. Вспомним знаменитые строки из «Землянки» Алексея Суркова (Лирика... 1985: 253):

...До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти – четыре шага...

Оценка протяженности пространства на войне, как правило, была субъективной, связанной не с фактическим расстоянием, а с той опасностью, которая подстерегала на пути. Тогда несколько метров под огнем неприятеля до укрытия, цели и т. п. превращались в бесконечность, в «пространство смерти», которое невозможно преодолеть. «Пядь земли... В дни войны было в ходу это выражение. Каждому было понятно, почему на пяди шел счет земли. Уж очень трудно она доставалась солдату в бою...», – вспоминал один из фронтовиков (Овчинникова 1989: 129).

Например, в Сталинграде, чтобы проползти несколько десятков шагов, требовались иногда целые сутки, а 100 метров до Волги, которые так и не сумели пройти немцы, стали символом стойкости наших бойцов. «Только здесь, в Сталинграде, люди знают, что такое километр. Это тысяча метров, это – сто тысяч сантиметров», – писал 26 ноября 1942 года в «Правде» Василий Гроссман, рассказывая про «невиданный по ожесточенности бой», который «длился, не затихая, несколько суток» и «шел не за отдельные дома и цеха», а «за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода... И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев...» (цит. по: Робертс 2003: 87).

Особое значение имело соотнесение социального и личностного пространства, при котором окоп рядового бойца мог восприни-

маться им как место, где решается судьба войны, судьба страны. Нередко так оно и было, особенно на направлении главного удара противника или «своей» стороны. Но и там, где шли «бои местного значения» («У незнакомого поселка на безымянной высоте...», по хрестоматийному выражению Михаила Матусовского), осознание своей роли и своего места в войне, значимости «своего» боя, было важной составляющей боевой мотивации. Неслучайно в 1943 году Сергей Орлов писал о танкисте, который смотрит на мир сквозь смотровую щель своей машины (Лирика... 1985: 184):

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина...
Но в эту щель от Мги¹ видны
Предместья Вены и Берлина.

Год спустя, в 1944 году, он создаст еще более неожиданный поэтический образ: «Его зарыли в шар земной, / А был он лишь солдат...» (Там же: 185). И на этом фоне слова одного из ветеранов: «Окоп – вот мой масштаб» (Овчинникова 1989: 69) – воспринимаются в совершенно новом ракурсе.

Война, безусловно, изменяла пространственный опыт большинства ее участников, которые в мирное время никогда бы не оказались в тех местах, в которых они побывали во время войны (Михаил Исаковский: «Я шел к тебе четыре года, / Я три державы покорил...» [Лирика... 1985: 110–111]; «Очень дальние дали мы с друзьями прошли...» [Ошанин 1980: 321]), не перемещались бы теми способами, которые характерны для военных действий (Михаил Ножкин: «Мы пол-Европы по-пластунски пропахали...» [Об огнях-пожарищах... 1994: 251]).

До войны человек, как правило, живет в достаточно узком «внутреннем» пространстве (селе, городе, районе и т. п.) и редко оказывается за его пределами. Война вырывает его из привычного окружения и выбрасывает в широкий «внешний мир», в «другие края», хотя при этом он часто оказывается заключен в ограниченном, а порой и замкнутом пространстве окопа, танка, самолета, блиндажа, теплушки, госпитальной палаты и т. п. Война дает много новых ракурсов в восприятии пространства, в том числе ландшафта, как фактора защиты или опасности, трудностей передвижения и тягот быта, как препятствия на пути к миру и возвращению домой. «Потом, после войны, я никогда уже больше не испытывал того

---

¹ Мга – населенный пункт в Ленинградской области.

ощущения расстояний, которое было у нас во время войны, – вспоминал Симонов (1975: 365). – Расстояния были тогда совсем иными. Почти каждый километр их был туго, до отказа набит войной. И именно это и делало их тогда такими огромными и заставляло людей оглядываться в свое недавнее прошлое, порой даже удивляясь самим себе».

Наконец, следует сказать и о ретроспективном восприятии войны (особенно пехотинцами) как бесконечной, трудной, полной опасностей дороги. Одной из самых любимых фронтовиками песен, написанных в годы войны, стала «Эх, дороги...» на стихи Льва Ошанина (1980: 316):

Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей –
Может, крылья сложишь посреди степей...
Вьется пыль под сапогами, степями, полями,
А кругом бушует пламя, да пули свистят...

В том же 1945 году, когда были написаны трагические «Эх, дороги...», Ошанин написал разухабистую песню «Ехал я из Берлина», где описывается возвращение солдата-победителя с войны. И здесь центральный образ – те же дороги, но уже в обратную сторону, лишённые прежних смертоносных препятствий, а потому быстро мелькающие мимо (Там же: 320):

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла –
Там, где русская слава
Все тропинки прошла...

Образ «фронтовых дорог» оказался одним из ключевых в творчестве Симонова. Начиная со знаменитого стихотворения «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины» (Лирика... 1985: 232) (Слезами измеренный чаще, чем верстами, / Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз: / Деревни, деревни, деревни с погостами, / Как будто на них вся Россия сошлась...) и заканчивая документальным фильмом «Шел солдат», главная идея которого заключалась в том, как долог и труден был путь к Победе. В его военных дневниках встре-

чается описание весеннего (конец марта) наступления 1944 года на Украине, в котором мы находим ключ к пониманию «пространства войны»: «Самый обыкновенный рядовой пехотинец, один из миллионов, идущих по этим дорогам, иногда совершал... переходы по сорок километров в сутки. На шее у него автомат, за спиной полная выкладка. Он несет на себе все, что требуется солдату в пути. Человек проходит там, где не проходит машина, и в дополнение к тому, что он и без того нес на себе, несет на себе и то, что должно было бы ехать. Он идет в условиях, приближающихся к условиям жизни пещерного человека, порой по несколько суток забывая о том, что такое огонь. Шинель уже месяц не высыхает на нем до конца. И он постоянно чувствует на плечах ее сырость. Во время марша ему часами негде сесть отдохнуть – кругом такая грязь, что в ней можно только тонуть по колено. Он иногда по суткам не видит горячей пищи, ибо порой вслед за ним не могут пройти не только машины, но и лошади с кухней. У него нет табаку, потому что табак тоже где-то застрял. На него каждые сутки в конденсированном виде сваливается такое количество испытаний, которые другому человеку не выпадут за всю его жизнь... И, конечно... кроме того и прежде всего, он ежедневно и ожесточенно воюет, подвергая себя смертельной опасности... Такова жизнь солдата в этом нашем весеннем наступлении» (Симонов 1975: 346).

И еще: «В памяти остались не столько бои, сколько адский труд войны: труд, пот, изнеможение; не столько грохот орудий, сколько утопающие в грязи солдаты, в обнимку километрами несущие из тылов к артиллерийским позициям тяжелые снаряды, потому что все, абсолютно все застряло!» (Там же: 342). «Долгие версты войны» – один из характерных образов того времени.

После войны возвращение фронтовиков в привычное мирное пространство не было возвращением к прежнему, довоенному его восприятию, поскольку человек оказывался обогащен и изменен военным опытом, с которым изменялись и его взгляды на мир. И даже «малая Родина» (у Симонова: «Клочок земли, припавший к трем березам» [Лирика... 1985: 237]) – лично значимое жизненное пространство человека – вписывалась теперь в широкий контекст «большой Родины».

Таким образом, война в сознании человека всегда воспринимается как некий рубеж, особый отрезок жизни, отличающийся от всех остальных ее этапов, в том числе во временном и в пространственном измерениях, что позволяет говорить о «времени и пространстве войны» как о важных составляющих экзистенциального опыта участников боевых действий.

Литература

- Бессонов, В.** 1988. *Война всегда со мной*. М.: Советская Россия.
- Вольф, А.** 1987. *Звезда над передовой*. М.: Молодая гвардия.
- Высота.** Стихи о Великой Отечественной войне / сост. Д. Лепер. М.: МОЛ СЛ РФ, 1995.
- Кедрин, Д.** 1978. *Избранные произведения*. М.: Худ. лит-ра.
- Левин, И. И.** 1990. *Кажется, это было вчера... Записки офицера разведки*. М.: Московский рабочий.
- Лирика** военных лет. Стихи советских поэтов (1941–1945) / ред. В. А. Зайцев, В. И. Фатющенко. М.: МГУ, 1985.
- Об огнях-пожарищах...** Песни войны и победы / сост. Г. П. Лобарев, М. М. Панфилова. М.: Республика, 1994.
- Овчинникова, Л.** 1989. *Колокол на Долгом лугу*. М.: Молодая гвардия.
- Ошанин, Л.** 1980. *Собр. соч.*: в 3 т. М.: Молодая гвардия.
- Песков, В.** 1979. *Война и люди*. М.: Молодая гвардия.
- Принимай** нас, Суоми-красавица: «Освободительный» поход в Финляндию 1939–1940 гг. / сост. Е. А. Балашов. Ч. II. СПб.: Альманах «Цитадель», 2000.
- Робертс, Д.** 2003. *Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю*. М.: УРСС.
- Симонов, К.**
1975. *Разные дни войны. Дневник писателя*. М.: Молодая гвардия.
1990а. *Из трех тетрадей. Стихи, поэмы*. 2-е изд., доп. М.: Воениздат.
1990б. *Письма о войне (1943–1979)*. М.: Советский писатель.
- Слуцкий, Б.** 2000. *Записки о войне. Стихотворения и баллады*. СПб.: Logos.
- Чемоданов, Г. Н.** 1926. *Последние дни старой армии*. М.; Л.: Госиздат.
- Этот День Победы:** сборник. М.: Советская Россия, 1985.